

Блауберг И.И.

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, строение 1.
E-mail: irinablauberger@yandex.ru.

Феликс Равессон и философский проект Ксавье Леона

Аннотация: В статье рассматриваются основные черты того варианта метафизики, который был разработан французским философом-спиритуалистом Феликсом Равессоном (1813–1900) с опорой на идеи Аристотеля, Шеллинга, Мен де Бирана, Плотина, Паскаля и других мыслителей. Равессон, охарактеризовавший эту концепцию как «спиритуалистический реализм или позитивизм», обосновывал в своих работах трактовку данной формы философии духа как высшей науки, которая исследует принципы, предполагаемые частными науками, но выходящие за рамки их конкретных областей. Творчество Равессона, стремившегося возродить метафизику во Франции в период господства позитивизма, в конце XIX в. стало важным ориентиром для молодых интеллектуалов, искавших новые пути развития философии. Одним из таких пугей, как показано в статье, явилось создание философского журнала “Revue de Métaphysique et de Morale” (1893), первым автором которого стал Равессон.

Ключевые слова: французская философия XIX в., Феликс Равессон, Ксавье Леон, спиритуализм, возрождение метафизики

Работа Феликса Равессона «Метафизика и мораль» была впервые опубликована в 1893 г. во французском философском журнале “*Revue de Métaphysique et de Morale*” («Обозрение метафизики и морали»). Статья открывала первый номер этого журнала, созданного по инициативе молодого философа Ксавье Леона, который привлек к этому делу своих бывших соучеников по лицу Эли Галеви и Леона Брюншвига.

Журнал начал свою деятельность в конце XIX в., и в его названии мы видим слово «метафизика». Но в начале того столетия подобное название трудно было бы представить. Судьба метафизики находилась тогда под угрозой. Как пишет современная исследовательница, «в начале XIX в. в кругу франкоязычной философии существовал вопрос, настоятельность которого сложно оценить во всех его нюансах: возможно ли еще метафизическое знание, после скептических выводов века Просвещения, после гносеологического отчаяния Дэвида Юма и феноменализма, связанного с именем Иммануила Канта?»¹ Феликс Равессон (1813–1900) оказался одним из тех, кто возрождал метафизику во Франции в XIX столетии и всю свою долгую жизнь размышлял о ее основаниях и задачах.

Феликс Равессон, по мнению ряда исследователей, один из наиболее интересных мыслителей Франции XIX в. Его нельзя назвать особо «плодовитым» – из-под его пера вышло сравнительно мало работ; к тому же он был отчасти «маргиналом», так как не входил в круг официальных университетских философов, не занимался преподаванием. По складу ума и склонностям он был подлинным философом, но вынужден был заниматься административной деятельностью в Министерстве просвещения, работал инспектором библиотек. Но его творчество, как выяснилось со временем, стало важной вехой в истории французской философии, существенно обогатило философскую мысль, повлияло на то направление ее развития, которое позднее нашло выражение в концепциях спиритуалистов других поколений, в том числе Жюлья Лашелье, Эмиля Бутру и Анри Бергсона.

Равессон получил классическое образование и уже в юности продемонстрировал не только интерес и несомненные способности к философствованию, но и склонность к занятиям искусством (он хорошо рисовал, его работы впоследствии даже выставлялись в парижском

¹ *Bellantone A. Ravaisson: le «champ abandonné de la métaphysique» // Cahiers philosophiques. 2012. No. 129. P. 5.*

Салоне). Сферу его интересов и теоретической деятельности во многом определило исследование философии Аристотеля, которой была посвящена работа, победившая в 1834 г. на конкурсе, объявленном, по инициативе Виктора Кузена, Академией моральных наук. Впоследствии это раннее сочинение, переработанное и дополненное, выросло в фундаментальный двухтомный труд «Опыт о “Метафизике” Аристотеля» (1838; 1845), благодаря которому молодой автор приобрел репутацию признанного аристотелеведа и до конца XIX столетия оставался крупнейшим французским исследователем в этой области². В предисловии к первому тому Равессон писал: «Со времен упадка схоластики аристотелизм представляли либо как систему абстракций, оторванных от реальности, и логических или даже чисто вербальных классификаций, либо как систему эмпиризма, аналогичную по своим психологическим принципам и моральным следствиям античному эпикуреизму или новоевропейскому сенсуализму. Два эти заблуждения можно всецело развеять лишь путем полного изложения «Метафизики»»³. На деле автор этим не ограничился. Первый том «Опыта» посвящен подробному анализу истоков и содержания учения Аристотеля, структуры «Метафизики», а второй – исследованию школ послеплатоновской философии: здесь рассматриваются эпикуреизм, стоицизм, неоплатонизм⁴.

Аристотель занял особое, быть может наиболее важное, место в ряду тех мыслителей, которые помогли Равессону определить собственную линию исследований, сформулировать главные идеи своей концепции. В поздних работах, стремясь углубить собственные представления о мире, познании, человеке, французский мыслитель тоже постоянно обращался к Стагириту. При этом его восприятие Аристотеля имело свои особенности. Во-первых, оно встроилось в контекст, обусловленный традицией спиритуализма, которой следовал Равессон. Во-вторых, учение Аристотеля было воспринято им сквозь призму идей Шеллинга, которые вначале Равессон усвоил, изучая труды немецких аристотелеведов-шеллингианцев, а потом обратился к самому «оригиналу». В 1838 г. он посетил Мюнхен, где познакомился с Шеллингом, слушал его лекции, несколько раз встречался с ним и

² См. подробнее: *Блауберг И.И.* Феликс Равессон и его «Опыт о *Метафизике* Аристотеля» // Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности. М., 2017. С. 531–544.

³ *Ravaisson F.* Essai sur la Métaphysique d'Aristote. T. I. Paris, 1837. P. VI.

⁴ См.: *Ravaisson F.* Essai sur la Métaphysique d'Aristote. T. II. Paris, 1845.

обсуждал его учение. Эти немецкие влияния сказались, как мы увидим, на трактовке Равессоном Аристотеля, а также оставили сильный след на собственной концепции французского философа. Но так или иначе, сколь бы ни расширялся позже круг его интересов, включивший в себя историю религий и искусства, углубленное изучение трудов отцов Церкви, античная культура по-прежнему оставалась для него одним из главных предметов исследований. Для Равессона, можно сказать, она всегда была той «родной стихией», к которой он постоянно возвращался. Так, в ряде поздних работ он рассматривал античное искусство, древние мистерии и их особенности⁵. Такому вниманию к этим сферам истории культуры способствовала и перемена рода деятельности: с 1870 г. он занял должность хранителя древностей в Лувре, увлекся изучением античной скульптуры.

Вопреки позитивизму, набравшему силу во Франции, Равессон стремился создать метафизику, в чем-то наследующую картезианству, но учитывавшую при этом уроки XVIII столетия. Он также искал опору в идеях виталистов и анимистов трех предыдущих веков – Я.Б. Ван Гельмонта, Штала, Биша, Бонне и др. Отмечая порой достоинства учения Канта, в целом он не был сторонником «коперниканского переворота», при котором «причина и субстанция суть не что иное, как символические реализации условий человеческого интеллекта»⁶. Равессона не устраивала и шотландская философия, бывшая очень популярной во Франции в пору его юности: по его словам, он не считал возможным для философии оставаться «в мире видимости без основания и глубины»⁷. Равессон хотел построить философию на таких основаниях и принципах, которые определяли бы ее правомерность, статус, ее роль и задачу перед лицом частных наук, выведшихся на первый план позитивизмом в противовес метафизике. Конкретные науки, считал он, не могут объяснить упорядоченность, гармонию, существующую в природе; такое объяснение – дело философии, исследующей и истолковывающей те принципы, которые лишь предполагаются науками. «Философия, если она существует, – писал Равессон, – должна знать принципы, которые лишь допускаются науками,

⁵ См.: *Ravaisson F. Les mystères; Les monuments funéraires de grecs // Ravaisson F. L'art et les mystères grecs / Textes présentés et recueillis par Dominique Janicaud. Paris, 1985. P. 165–180, 181–204.*

⁶ *Ravaisson F. Philosophie contemporaine // Revue des Deux Mondes. 1840. T. 24. P. 411.*

⁷ *Ravaisson F. Philosophie contemporaine. P. 412.*

т. е. первые причины всего наиболее постоянного и регулярного в их предметах. Если бы она когда-либо стала тем, чем должна быть, она была бы, следовательно, наукой <, охватывающей> разные науки. Однако это идеал, от которого она пока далека и, возможно, будет далека всегда»⁸. Но к этому идеалу все-таки можно приблизиться, полагал французский мыслитель, заняв позицию спиритуализма. Ведь принципы, о которых идет речь, могут быть истолкованы лишь с такой позиции, а собственным предметом философии является именно духовная природа, которую отличают порядок и постоянство.

Сам Равессон определял свое учение как «спиритуалистический реализм или позитивизм». В этом определении важны все три слова; рассмотрим их по порядку. Спиритуализм – концепция, утверждающая существование духовного начала мира, бессмертия души, – во Франции в XIX в. имела разные формы. Так, одной из них стал «эклeктический спиритуализм» Виктора Кузена, под влиянием которого долгое время строилось философское образование. Равессон предложил свою версию спиритуализма, хотя, как и Кузен, опирался на идеи мыслителя-автодидакта Мен де Бирана⁹. И эта версия оказалась гораздо ближе к замыслу Бирана, чем кузеновская. Вместе с тем, Равессон продвинулся дальше Бирана, признав, в отличие от него, «я» субстанцией особого, динамического типа. Об этом идет речь в работе «Современная философия» (1840), где Равессон подробно анализирует состояние французской философии начала XIX в., описывая те проблемы и, как сказали бы сегодня, «вызовы», с которыми она столкнулась.

Опираясь на ключевую идею бирановской философской психологии об исходном двояком факте сознания, в котором выражается единство субъекта и объекта, Равессон создал онтологическую концепцию, рассмотрев с позиций спиритуализма взаимодействие духа и материи, эволюцию природы. Он, как и Мен де Биран (а позже Бергсон), толковал свое учение как средний, третий путь между материализмом и идеализмом, надеясь избежать крайних выводов обеих этих теорий. В XIX в., в эпоху бурного развития наук о жизни, мате-

⁸ *Ravaisson F. Fragments // Ravaisson F. Testament philosophique et fragments. Paris, 1933. P. 148.*

⁹ См. подробнее о нем: *Кротов А.А. Философия Мен де Бирана. М., 2000; Визгин В.П. Очерки истории французской мысли. М., 2013; Визгин В.П. Экзистенциальные мотивы в «Дневнике» Мен де Бирана // История философии. 2017. Т. 22 (2). С. 44–55.*

риализм с его редукционизмом, полагал он, утратил всякие теоретические основания, поскольку был неспособен объяснить специфику феноменов жизни. В концепции Равессона, где описана иерархическая субординация различных уровней универсума, низший, материальный уровень представал как «уснувший» дух; материальное и духовное оказывались взаимосвязанными – разумеется, при первенстве и ведущей роли второго. Эти идеи Равессона во многом определили особенность французского спиритуализма той эпохи: нацеленность на исследование отношения природы и духа.

Понятие «реализм», использованное Равессоном в определении его философии, противопоставляется идеализму, который он понимал по модели и образу учения Платона, подвергнутого им критике еще в «Опыте о “Метафизике” Аристотеля». Такой идеализм, полагал он, слишком абстрактен, оторван от реальности, подменяет реальные начала бытия формальными принципами знания, а потому не может внятно объяснить природу, движение, индивидуальность. Спиритуализм же на это способен, поскольку ищет ключ к решению таких проблем в самом сознании индивида, в его душевной жизни: признавая, что независимая от нас реальность в основе своей духовна, мы можем по аналогии делать выводы, опираясь на анализ собственного сознания. Такое исследование Равессон предпринял в своей диссертации «О привычке» (1838) – небольшой работе, лаконичной и до предела насыщенной, которая до сих пор будоражит умы и побуждает исследователей предлагать все новые ее толкования¹⁰. Здесь привычка, анализируемая вначале в рамках философской психологии, постепенно возвышается до ранга метафизических проблем; эта тема по ходу изложения насыщается все новыми смыслами и акцентами. В центре внимания автора – амбивалентность привычки, выражающаяся в том, что присущий ей автоматизм становится своего рода трамплином для развития, высвобождая силы и способности индивида. Если обратиться к собственному сознанию, попытаться постичь привычку «изнутри», то эта «вторая природа» многое прояснит нам относительно первой природы и происходящих в ней процессов. Тогда привычка предстанет нам как «общая граница, или средний тер-

¹⁰ См., например: *Giassi L. Psychologie, éclectisme et spiritualisme: Maine de Biran, Victor Cousin et Ravaisson*. Электронный ресурс: http://www.philopsis.fr/IMG/pdf_esprit-biran-giassi.pdf (P. 46–58); *Grosz E. Habit Today: Ravaisson, Bergson, Deleuze and Us // Body&Society*. 2013. 19 (2&3). P. 217–239; *Etudes sur F. Ravaisson. De l'habitude / Sous la direction de J.-M. Le Lannou*. Paris, 1999.

мин, между волей и природой»¹¹; она очерчивает путь от верхнего уровня органической природы – свободы рассудка – до нижнего – нерелективной спонтанности природы. Это метод, названный Равессоном «аналогией привычки», понятый в более широком смысле, стал для него одним из важнейших способов осмысления реальности.

Наконец, термин «позитивизм», употребленный Равессоном при характеристике его концепции, можно объяснить трояким образом. Во-первых, этим мыслитель заявлял о том, что его концепция дает позитивное, научное знание, право на которое позитивизм отвергал за философией. Во-вторых, здесь явно звучит противопоставление «спиритуалистического позитивизма» другому позитивизму, доминировавшему в то время во Франции. В-третьих, в этом названии можно усмотреть отсылку к «позитивной философии», которую Шеллинг, в свою очередь, противопоставлял философии «негативной».

Равессон создал в итоге свой вариант спиритуализма, философии духа, который можно назвать и философией действия, и философией воли. Ведь главной чертой духовного начала, лежащего в основе универсума, он считал действие. В связи с этим он часто обращался к аристотелевской идее о взаимосвязи возможности и действительности, потенции и акта. Именно эта идея, полагал Равессон, хорошо передает динамическую сущность мира, свойственное ему постоянное движение, становление, стремление к цели (французский мыслитель был сторонником аристотелевской телеологии). Вместе с тем, еще в раннем юношеском сочинении об Аристотеле он утверждал, что в учении Стагирита бытие предстает как непосредственное тождество, в котором не хватает момента различия; неясно, как связано бесконечное множество индивидуальных форм и абсолютное единство Перводвигателя. Эту лакуну сам Равессон стремился заполнить, переосмысляя Перводвигатель как активное духовное начало, постоянно воздействующее на универсум. В поздних работах эта трактовка, навеянная идеями Шеллинга, несколько углубилась, впитав в себя христианские акценты: Дух, или Бог, связан с миром отношением любви, в силу которой он отчасти дарует себя своему творению. Как писал Бергсон, характеризуя творчество своего учителя, «зримый универсум предстает... как внешний аспект реальности, которая, будучи постигнута изнутри, в ней самой, есть дар, великий акт освобо-

¹¹ Ravaisson F. De l'Habitude. Paris, 1997. P. 82; см. подробнее: Блауберг И.И. Истоки бергсонизма. Философия Феликса Равессона. М., 2014. С. 72–96.

ждения и любви»¹². Эта тема дара звучит и в «Метафизике и морали»; она очень важна для позднего Равессона, разработавшего исходя из этого концепцию «героической философии», где моральными образцами выступают избранные личности, чьей отличительной чертой он считал великодушие, сострадание к «слабым мира сего». Добавим, что в работах позднего периода сильнее проявилось и влияние философии Плотина. Равессон часто подчеркивает, что «вначале было лучшее», а то, что проистекает из его «великодушного снисхождения», призвано восходить к нему обратно (см. последнюю фразу публикуемой ниже статьи). Здесь можно проследить платоновскую схему «нисхождения» Единого в вещи и последующего их «восхождения» к Единому.

«Философия воли» Равессона отсылает к идеям Декарта, подчеркивавшего значение и беспредельность воли. Эта трактовка была воспринята и усилена Мен де Бираном, у которого декартовское *cogito ergo sum* преобразовалось в *volo ergo sum* (волю, следовательно, существую). Равессон, в свою очередь, размышляя о человеческом действии, направляемом волей, называет волю «разумной», полагая, что, если отделить волю от рассудка, мы придем к произволу¹³. Таким образом, его философия воли во многом противостоит учению Шопенгауэра: ведь во французском варианте воля имеет вполне позитивные характеристики. В то же время, по Равессону, глубже воли находится сфера произвольной активности, лежащей в основе космоса. Через эту идею о спонтанной космической активности, связанную с влиянием Шеллинга, утверждается представление о свободе и контингентности, существенным образом присущих универсуму. Для Равессона наличие такой изначальной свободной активности означало наличие в мире тайны, непостижимой рациональными средствами, рассудком, а в какой-то мере доступной лишь интуитивным способам познания. Возможно, с этим связан особый интерес, проявлявшийся Равессоном к античным мистериям.

В 1867 г. именно Равессону было поручено подготовить доклад о французской философии XIX в., приуроченный к открытию Всемирной промышленной выставки в Париже. В этом докладе он не только сделал обзор современных ему философских учений, но и до-

¹² Бергсон А. Жизнь и творчество Равессона // Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь. М., 2010. С. 211.

¹³ См.: Ravaissou F. Rapport sur le Concours pour le Prix Victor Cousin // Ravaissou F. De l'habitude. La philosophie en France au XIXe siècle. Paris, 1984. P. 359.

вольно подробно изложил собственную концепцию спиритуализма. Сам факт такого поручения указывал на авторитетность Равессона в философских кругах. Об этом же, спустя 26 лет, свидетельствовало обращение к нему юных энтузиастов, еще с лицейских лет мечтавших о создании философского журнала, который, в отличие от «*Revue philosophique*», издававшегося психологом-позитивистом Т. Рибо, вернулся бы к обсуждению проблем метафизики (что, однако, вовсе не исключало интереса к философии науки и ее насущным вопросам). Ситуацию того времени описал спустя сто лет Кристоф Прошассон: «Рождение *Revue de Métaphysique et de Morale* на деле вписывается в изменение интеллектуального климата. ... Опасность, нависшая над философией, была скорее интеллектуальной, чем институциональной. Философская рефлексия, в своем стремлении ко всеобщности, подвергалась ударам специализированных знаний, которые стремились лишить ее права высказывать истину. <...> Универсализм, поддерживавший всякий научный идеал и наделявший интеллектуала авторитетом, трещал под тяжестью обновленного позитивизма, приспособленного к нуждам современного мира, из которых рождалось столько новых дисциплин»¹⁴. Ксавье Леон и Эли Галеви считали, что новое издание продолжит традиции журнала «*Critique philosophique*», которым руководил неокритицист (неокантианец) Шарль Ренувье, но, в отличие от него, не усматривали в «кантовском субъективизме» «якорь спасения в позитивистском кораблекрушении»¹⁵. Как писал Галеви Леону в одном из писем, «необходимо противодействовать убогому позитивизму, из которого мы выбираемся, и вызывающей раздражение религиозности, в которой мы рискуем увязнуть, – основать философию действия и рефлексии, – быть страстными рационалистами» (Ibid.).

Вопреки недовольству некоторых авторов названием журнала (вызывало возражения именно провокационное слово «метафизика»), инициаторы его сохранили, считая это принципиальным. Однако их не устраивал тот вариант метафизики, что был разработан Виктором Кузеном в рамках его эклектического спиритуализма. «Философия действия и рефлексии» – это вполне могло быть характеристикой концепции Равессона. Был ли он «страстным рационалистом»? Едва

¹⁴ Prochasson C. *Philosopher au XX e siècle: Xavier Léon et l'invention du «système R2M» (1891–1902) // Revue de Métaphysique et de Morale. 1993. № 1/2. P. 118.*

¹⁵ Xavier Léon/Élie Halévy. *Correspondance (1891–1898) // Revue de Métaphysique et de Morale. 1993. № 1/2. P. 13.*

ли. Впрочем, здесь, как всегда, нужно определить понятия. Он критиковал рассудок и его методы, но выступал за обширный синтез, в котором рациональные методы соединялись бы с интуицией, с опорой на данные «сердца». Но он не был иррационалистом или мистиком, поскольку стремился утвердить и защитить метафизику средствами, доступными человеческому духу. И вполне понятно, что именно статья Равессона, в которой, по словам Эмиля Бутру, представлена «вся суть его главных учений»¹⁶, оказалась программной. Об этом говорят и строки из письма Ксавье Леона Равессону, где содержалось предложение написать статью: «...Вы... первый, к кому я обратился, и я считаю, что Ваше рвение в защите интересов философии сделали Вас в этой борьбе, – в которой Вы являетесь нашим истинным наставником, – вождем нашей молодежи. <...> Вы, господин и высокочтимый учитель, принадлежите к тем, кто первыми, в тот момент, когда философская традиция, казалось, была утрачена во Франции, напомнили нам, чем является подлинная Метафизика, вместе с именем ее бессмертного автора...»¹⁷.

Философский проект Ксавье Леона и его юных друзей оказался вполне жизнеспособным, журнал успешно продолжает свою деятельность и сегодня. А судьба идей его первого автора сложилась непросто. После прекрасной работы Бергсона, отдавшего в ней дань уважения Равессону, которого он считал своим учителем, концепция классика французского спиритуализма в первой половине XX в. довольно редко становилась предметом обстоятельного исследования, хотя она во многом проложила путь философским учениям этого времени: философии духа Л. Лавеля и Р. Ле Сenna, философии действия М. Блонделя и др. Здесь сыграли свою роль, среди прочего, причины идеологические – неприязнь молодого поколения французских интеллектуалов, представлявших новые идейные течения, к «замшелому» спиритуализму, отождествлявшемуся с консервативной полити-

¹⁶ *Boutroux E.* La philosophie de Félix Ravaisson // *Revue de Métaphysique et de Morale.* 1900. Т. 8. № 6. P. 699.

¹⁷ *Xavier Léon/Élie Halévy.* Correspondance (1891–1898). P. 22. Приведем данное Леоном в письме к Галеви описание Равессона, который приближался к своему восьмидесятилетию: «Он столь активен, что можно позавидовать; он вернулся из Венеции, бегом поднимается по лестницам, весь день остается на ногах; утром рисует, вечером пишет, всегда умен, он завидует Тициану, написавшему свой портрет в 99 лет. Быть может, он надеется дожить до 100 лет – он, который никогда не болеет и даже не носит очков» (*Ibid.* P. 26).

ческой позицией. Понадобилось напоминание извне, чтобы вновь пробудить во Франции интерес к Равессону. А исходило оно, как ни странно, не от кого иного, как от... Хайдеггера. Когда французский журналист Фредерик де Товарниcki посетил его в сентябре 1945 г. во Фрайбурге, Хайдеггер осведомился о новостях из Сорбонны: «Изучают ли там Паскаля? Исследуют ли Лейбница, Гегеля? Интересуются ли Равессоном, его прекрасной книгой о привычке? [Он спросил], знаю ли я заметку, которую Бергсон посвятил его жизни и творчеству?» Товарниcki в тот день ничего не смог сообщить Хайдеггеру, но, вернувшись в Париж, принялся штудировать Равессона. В этом неведении, как оказалось, он не был одинок: «Вспоминаю, – пишет он далее, – удивление Эммануэля Левинаса, Жана Валя, а также Сартра, когда я им рассказал, что Хайдеггер расхвалил мне Равессона и работу о нем Бергсона»¹⁸. Позже друг Хайдеггера Жан Бофре подтвердил, что немецкий мыслитель действительно очень ценил оригинальные идеи Равессона¹⁹.

Возможно, именно это обстоятельство дало позже стимул к исследованию взглядов французского философа. Ему посвятили свои диссертации Ф. Ларюэль (сейчас он известен своей концепцией «не-философии») и хайдеггерианец, критик феноменологии Д. Жанико²⁰. А в последние десятилетия интерес к его философии существенно вырос, что нашло отражение в книгах и статьях, посвященных его творчеству, как и вообще спиритуализму XIX в.²¹

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бергсон А. Жизнь и творчество Равессона / Пер. с франц. И.И. Блауберг // Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь. М.: РОССПЭН, 2010. С. 196–222.

Блауберг И.И. Истоки бергсонизма. Философия Феликса Равессона. М.: ИФ РАН, 2014. 187 с.

¹⁸ *Towarnicki F. de.* Avant-propos // *Ravaisson F. De l'Habitude.* Paris, 1997. P. 7–8.

¹⁹ Об этом Бофре пишет и в своей книге: *Beaufret J. Notes sur la philosophie en France au XIXe siècle.* Paris, 1984. P. 18.

²⁰ См. *Laruelle F. Phénomène et différence. Essai sur l'ontologie de Ravaisson.* Paris, 1971; *Janicaud D. Une généalogie du spiritualisme français. Aux sources du bergsonisme: Ravaisson.* La Haye, 1969.

²¹ См.: *Guibert G. Félix Ravaisson. D'une philosophie première à la philosophie de la révélation de Schelling.* Paris, 2006; *Le Lannou J.-M. Le vocabulaire de Ravaisson.* Paris: Ellipses, 2002; *Marin C. «Acte et puissance»: Ravaisson et Ricoeur, lecteurs d'Aristote // De la nature à l'esprit.* Lyon, 2001. P. 37–62.

Блауберг И.И. Феликс Равессон и его «Опыт о *Метафизике* Аристотеля» // Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности. М.: Аквилон, 2017. С. 531–544.

Визгин В.П. Очерки истории французской мысли. М.: ИФ РАН, 2013. 133 с.

Визгин В.П. Экзистенциальные мотивы в «Дневнике» Мен де Бирана // История философии. 2017. Т. 22 (2). С. 44–55.

Кротов А.А. Философия Мен де Бирана. М.: МГУ, 2000. 104 с.

Beaufret J. Notes sur la philosophie en France au XIXe siècle. P.: Vrin, 1984. 133 p.

Bellantone A. Ravaisson: le «champ abandonné de la métaphysique» // Cahiers philosophiques. 2012. № 129. P. 5–21.

Boutroux E. La philosophie de Félix Ravaisson // Revue de Métaphysique et de Morale. 1900. Т. 8. № 6. P. 699–716.

Etudes sur F. Ravaisson. De l'habitude / Sous la direction de J.-M. Le Lannou. Paris: Editions Kimé, 1999. 78 p.

Giassi L. Psychologie, éclectisme et spiritualisme: Maine de Biran, Victor Cousin et Ravaisson. P. 46–58. Электронный ресурс: http://www.philopsis.fr/IMG/pdf_esprit-biran-giassi.pdf (дата обращения – 27 января 2018).

Grosz E. Habit Today: Ravaisson, Bergson, Deleuze and Us // Body & Society. 2013. 19 (2&3). P. 217–239.

Guibert G. Félix Ravaisson. D'une philosophie première à la philosophie de la révélation de Schelling. Paris: L'Harmattan, 2006. 310 p.

Janicaud D. Une généalogie du spiritualisme français. Aux sources du bergsonisme: Ravaisson. La Haye: Martinus Nijhoff, 1969. 276 p.

Laruelle F. Phénomène et différence. Essai sur l'ontologie de Ravaisson. Paris: Editions Klincksieck, 1971. 267 p.

Le Lannou J.-M. Le vocabulaire de Ravaisson. Paris: Ellipses, 2002. 75 p.

Marin C. «Acte et puissance»: Ravaisson et Ricoeur, lecteurs d'Aristote // De la nature à l'esprit: études de la philosophie française du XIX siècle. Lyon: ENS éditions, 2001. P. 37–62.

Prochasson C. Philosopher au XX-e siècle: Xavier Léon et l'invention du «système R2M» (1891–1902) // Revue de Métaphysique et de Morale. 1993. № 1/2. P. 109–140.

Ravaisson F. De l'habitude. Paris: Editions Payot & Rivages, 1997. 137 p.

Ravaisson F. Essai sur la Métaphysique d'Aristote. T. I. Paris: L'imprimerie royale, 1837. 599 p.

Ravaisson F. Essai sur la Métaphysique d'Aristote. T. II. Paris: Librairie de Joubert, 1845. 584 p.

Ravaisson F. Fragments // Ravaisson F. Testament philosophique et fragments. Paris: Boivin et Cie, 1933. P. 145–186.

Ravaisson F. Les mystères; Les monuments funéraires de grecs // Ravaisson F. L'art et les mystères grecs / Textes présentés et recueillis par Dominique Janicaud. Paris: L'Herne, 1985. P. 165–180, 181–204.

Ravaisson F. Rapport sur le Concours pour le Prix Victor Cousin // Ravaisson F. De l'habitude. La philosophie en France au XIXe siècle. Paris: Fayard, 1984. P. 343–359.

Towarnicki F. *de. Avant-propos // Ravaisson F. De l'Habitude*. Paris: Editions Payot & Rivages, 1997. P. 8–26.

Xavier Léon/Élie Halévy. *Correspondance (1891–1898) // Revue de Métaphysique et de Morale*. 1993. № 1/2. P. 3–58.

Irina Igorevna Blauberg

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation. E-mail: irinablauberg@yandex.ru

Felix Ravaisson and Xavier Leon's Philosophical Project

Summary: The article discusses the main features of the variant of the metaphysics, that was developed by the French philosopher-spiritualist Felix Ravaisson (1813–1900), drawing on the ideas of Aristotle, Schelling, Maine de Biran, Plotin and other thinkers. Ravaisson, who characterized this conception as “spiritualistic realism or positivism”, argued in his works the interpretation of this form of philosophy of spirit as the supreme science, exploring principles that are supposed by private sciences, but go beyond their specific areas. The work of Ravaisson, who attempted to revive metaphysics in France in the period of domination of positivism, became in the late nineteenth century a crucial reference point for young intellectuals who were looking for new ways of developing philosophy. One of such ways, as shown in the article, was the creation of the philosophical journal “Revue de Métaphysique et de Morale” (1893); it was Ravaisson who became its first author.

Keywords: French philosophy of the nineteenth century, Felix Ravaisson, Xavier Leon, spiritualism, the revival of metaphysics.

References

Beaufret, J. *Notes sur la philosophie en France au XIXe siècle*. Paris: Vrin, 1984. 133 p.

Bellantone, A. “Ravaisson: le “champ abandonné de la métaphysique””, *Cahiers philosophiques*, 2012, No. 129, pp. 5–21.

Bergson, H. “Zhizn' i tvorchestvo Ravaisson'a” [The life and work of F. Ravaisson], in: Bergson A. *Izbrannoe: Soznanie i zhizn'* [Selected works: Consciousness and life]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, pp. 196–222. (In Russian)

Blauberg, I.I. *Istoki bergsonizma. Filosofiya Felix'a Ravaisson'a* [The sources of bergsonism. The philosophy of Felix Ravaisson]. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences Publ., 2014. 187 p. (In Russian)

Boutroux, E. “La philosophie de Félix Ravaisson”, *Revue de Métaphysique et de Morale*, 1900, t. 8, No. 6, pp. 699–716.

Etudes sur F.Ravaisson. De l'habitude, sous la direction de J.-M. Le Lannou. Paris: Editions Kimé, 1999. 78 p.

Giassi, L. *Psychologie, éclectisme et spiritualisme: Maine de Biran, Victor Cousin et Ravaisson*. Электронный ресурс: http://www.philopsis.fr/IMG/pdf_esprit-biran-giassi.pdf (pp. 46–58) (accessed 27.01. 2018).

Grosz, E. “Habit Today: Ravaisson, Bergson, Deleuze and Us”, *Body & Society*, 2013, 19 (2&3), pp. 217–239.

Guibert, G. *Félix Ravaisson. D'une philosophie première à la philosophie de la révélation de Schelling*. Paris: L'Harmattan, 2006. 310 p.

Janicaud, D. *Une généalogie du spiritualisme français. Aux sources du bergsonisme: Ravaisson*. La Haye: Martinus Nijhoff, 1969. 276 p.

Krotov, A.A. *Filosofiya Maine de Biran'a* [The philosophy of Maine de Biran]. Moscow: MGU Publ., 2000. 104 p. (In Russian)

Laruelle, F. *Phénomène et différence. Essai sur l'ontologie de Ravaisson*. Paris: Editions Klincksieck, 1971. 267 p.

Le Lannou, J.-M. *Le vocabulaire de Ravaisson*. Paris: Ellipses, 2002. 75 p.

Marin, C. “Acte et puissance”: Ravaisson et Ricoeur, lecteurs d'Aristote”, *De la nature à l'esprit: études de la philosophie française du XIXe siècle*. Lyon: ENS éditions, 2001, pp. 37–62.

Prochasson, C. “Philosopher au XXe siècle: Xavier Léon et l'invention du “système R2M”” (1891–1902), *Revue de Métaphysique et de Morale*, 1993, No. 1/2, pp. 109–140.

Ravaisson, F. *De l'Habitude*. Paris: Editions Payot & Rivages, 1997. 137 p.

Ravaisson, F. *Essai sur la Métaphysique d'Aristote*, t. I. Paris: L'imprimerie royale, 1837. 599 p.

Ravaisson, F. *Essai sur la Métaphysique d'Aristote*, t. II. Paris: Librairie de Joubert, 1845. 584 p.

Ravaisson, F. Fragments, in: Ravaisson F. *Testament philosophique et fragments*. Paris: Boivin et Cie, 1933, pp. 145–186.

Ravaisson, F. “Les mystères”; “Les monuments funéraires de grecs”, in: Ravaisson F. *L'art et les mystères grecs*, textes présentés et recueillis par Dominique Janicaud. Paris: L'Herne, 1985. 245 p.

Ravaisson, F. “Rapport sur le Concours pour le Prix Victor Cousin”, in: Ravaisson F. *De l'habitude. La philosophie en France au XIXe siècle*. Paris: Fayard, 1984, pp. 343–359.

Towarnicki, F. de. Avant-propos, in: Ravaisson F. *De l'Habitude*. Paris: Editions Payot & Rivages, 1997, pp. 8–26.

Vizgin, V.P. “Ekzistentsial'nye motivy v “Dnevnikе” Maine de Biran'a” [Existential motives in Maine de Biran's “Diary”], *Istoriya filosofii*, 2017, t. 22 (2), pp. 44–55. (In Russian)

Vizgin, V.P. *Ocherki istorii frantsuzskoi mysli* [Essays on the history of French thought]. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences Publ., 2013. 133 p. (In Russian)

Xavier Léon/Élie Halévy. Correspondance (1891–1898), *Revue de Métaphysique et de Morale*, 1993, No. 1/2, pp. 3–58.